

Ф.ДОСТОЕВСКИЙ НА ПУТИ К АНТИУТОПИИ

Существует одна старинная притча. Философу приснилось, что он стал мотыльком. Проснувшись, он не мог уже понять, кто он: мудрый старец, видевший во сне, будто он стал мотыльком, или мотылек, которому снится, что он - мудрый старец. В этой притче сон и явь переплетаются. Во сне была воплощена мечта человека о парении мысли, души к великой свободе, счастью.

Нередко к снам и сновидениям прибегают писатели, когда сон в художественном произведении становится одним из способов постижения действительности, средством воплощения мечты. Идея блаженства земного рая становится основополагающей в литературном жанре утопия, которая для воплощения проекта социальных преобразований прибегает к форму путешествий, робинзонады, сна. Утопия дает человеку стимул к саморазвитию, к постоянному движению. «Идея «золотого века», «рая на земле» прекрасна быть может именно в своей невоплотимости». «Пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать в раю (ведь, уж это я понимаю) ну, а я все-таки буду проповедовать»- говорит герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека», увидевший во сне идеальную страну. А между тем так это просто в один бы день, в один бы час все сразу устроилось. Главное люби других как себя. Вот что главное. И это все, больше равно ничего не надо: тотчас найдем как устроиться [1, 344].

В рассказе « Сон смешного человека» с наибольшей полнотой определился контраст: что было там, в «золотом веке», и что есть теперь, в век Ваала, бога крови и золота. «Смешной человек» перенесся в «золотой век», всюду сияло праздником, великим торжеством. Ласковое изумрудное море с любовью лобызала берега. Листочки прекрасных деревьев приветствовали чужестранца своим шумом и как бы выговаривали слова любви. Птички садились ему на плечи и на руки, радостно ласкали его своими крыльшками. Этот пейзаж сказочной планеты контрастирует с земным «петербургским» пейзажем (мрачный дождь, ужасающая сырость, темное небо, грязь, туман, тусклые газовые фонарики). Наконец явились люди. «дети своего солнца». «Они целовали и ласкали пришельца, стремясь согнать страдание с его лица» [1, 336]. «Никогда, - рассказывает смешной человек, - я не видывал на нашем земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста. Можно было бы найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой» [1, 336]. Обитатели созерцаемого «смешным человеком» «рая» были резвы и веселы, как дети. В их словах и голосах звучали детская радость, они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они питались легкой пищей – плодами.

Своих деревьев, медом лесов своих, молоком любивших их животных. Для пищи и одежды своей они трудились лишь немного, слегка, « между ними не было ревности... Их дети были детьми всех. Потому что все составляли одну семью. У них почти не было болезней, хоть и была смерть. Но смерть не ужасала их. У них отсутствовали храмы, не было веры, но у них было живое слияние со всей вселенной, с окружающей природой, они славили землю, море, леса, они слагали идущие от сердца песни друг о друге, они жили, любуясь друг другом» [336-337]. Лица людей фантастической планеты сияли разумом,они много знали, но они не имели земной науки, не стремились к познанию жизни потому что « жизнь их была восполнена», они и без науки знали , как им жить и жили в соответствии со своим желанием. А потому были спокойны, уверены и счастливы. И знание их было не то, которое дается обычно наукой, а являлось каким-то проникновением, позволяющим им не только знать, но и

любить, сливаться с жизнью природы, понимать ее, соприкоснуться не мыслью, а каким-то живым путем со всем мирозданием. Все содержание жизни по детски счастливых, невинных и прекрасных людей заключалось в любви в обожании друг друга и всего окружающего. Именно это ощущение любви осталось навеки в «смешном человеке». «Дети солнца» могли бы с полным правом сказать, что жизнь есть любовь. Любовь преобразила всю их физическую природу и все их духовные способности, заполнила собой всю их жизнь. Таков живой образ идеального человека, идеального человеческого общежития.

Мир не может жить без утопии, однако в любой утопии, изначально заложено немало противоречий. основополагающие идеи утопии - это идеи социального равенства, разумного государственного устройства полного материального благополучия. Но истинного равенства мы не найдем практически ни в одной из описанных утопистами стран. «На деле всеобщее уравнивание оборачивается насилием над самой человеческой природой. По сути дела, в качестве идеала авторы утопии в своих книгах выводят общество абсолютно одинаковых людей насильственно лишенных индивидуальной свободы, общество остановившееся в своем развитии».

Может прав был Достоевский, давая проповедь подобному утопизму в «Записках из подполья» «и с чего взяли все эти мудрецы, что...человеку надо непременно благоразумно выгодно хотенья? Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность не стоила и к чему бы не привила» [1, 360]. Гарантированное благо, по мнению героев «Записок» «ужасно скучно («потому что, что ж и делать тогда, когда все будет расчислено по табличке»). «Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего среди всеобщего блага возникнет какой-нибудь джентльмен и уперевав руки в бока скажет: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту т чтоб нам опять по своей глупой воле пожить» [1, 361].

Но означает ли это, что герой «Записок» отвергает высокую мечту о «золотом веке» человечества. Нет, не отвергает, остроумно замечая, что хрустальный дворец, лучше курятника во всех отношениях, но тем не менее заявляет: «А пока месья я еще жив, да отсохни у меня рука, коль я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу единственно по той причине, что этому нерушимому зданию нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиш в кармане показать» [1, 379].

В XX веке в эпоху жестоких экспериментов по реализации утопичных проектов оформляется как самостоятельный жанр антиутопия.

«Фантастический мир будущего, выведенный в утопиях в качестве идеала, в антиутопии предстает как глубоко трагический». Если утописты наивно полагали, что «счастье быть как все» и есть истинная свобода, то мироустройство, воссозданное в антиутопиях, прямо опирается на идею Великого инквизитора из романа Достоевского «Братья Карамазовы», который утверждал, что человек не может стать счастливым, не отказавшись от свободы. В обществе будущего, которое предстает в романе «Что делать?», решена проблема хлеба насущного. Помните в самом начале главы: «Нивы-это наши хлеба, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Растет пшеница и на тех нивах, что созданы на месте «голых скал». «Воистину камни превращены в глыбы». То же и в легенде о Великом Инквизиторе.

Чернышевский изобразил мир счастливых людей. «Счастливые люди», чтобы сделать «людей счастливыми, так определяет свою цель и Великий Инквизитор, который думает и о «всемирном счастье». «У нас все будут счастливы, - говорит он Христу. Быстро и весело работают люди и в сне Веры Павловне. «Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь...».

И все песни, незнакомые, новые... «А после работы они поют и танцуют в

громადнейшем, великолепном зале. И этот урок учел Великий Инквизитор « ... Но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью, к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но не в свободные от труда часы мы устроим их жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, невинными плясками» (о хоре - «какой хор», - сказано и во сне Веры Павловны). И только в одном абсолютная противоречивость. В обществе будущего, изображенном Чернышевским, люди свободны. В Легенде о Великом Инквизиторе люди сами отказались от свободы как тяжкого бремени. « О , никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам и скажут нам : « Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслима... (178)

Мысль это станет основой антиутопии 20 в., как мы уже говорили. В повести Е. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», где впервые будет сказано, что не будет не только свободы, но и хлеба вдоволь. И как в романе «Преступление и наказание» (в теории Раскольникова) те же два разряда: «Миллионы счастливых младенцев и тысячи великих и сильных», и над всеми великий Инквизитор.

Действительно, в легенде Достоевский сконцентрировал все, что беспокоило его, внушало опасения, и тревожило в социалистических проектах и идеях. Здесь и сосредоточенность на социально-экономических вопросах как ключевых, недооценка проблем духовных, нравственных, культурных. Здесь и понимание равенства как уравнительности, грозящей обезличенностью. Здесь и пренебрежение интересами личности в пользу коллектива...». «Одним из первых осознавших опасность фантастического-утопического сознания, Достоевский со своей легендой явился по-сути основоположником жанра антиутопии».

Достоевский предвосхитил возможность трансформации великой идеи, построенной на справедливости в идею, оправдывающую насилие, несправедливость и полное презрение к конкретному человеку. Во вступительном слове, сказанном им в пользу студентов Санкт-Петербургского университета 3-декабря 1889 г. Перед чтением «Великого Инквизитора», он так и определил суть легенды: « высокий взгляд христианства на человечество до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству уже не замаскированное презрение к нему».

Естественно, что «Великий Инквизитор» не может быть сведен лишь к антисоциалистической идее. Характерно, что свою статью «Легенда о Великом Инквизиторе». С. Франк написал на рубеже 1933-1934 годов, когда к власти в Германии пришли фашисты. О непреходящем значении легенды хорошо оказал Н. Бердяев: «... тема знаменитой легенды гораздо шире, она универсальна в ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества. Великий инквизитор является и будет, еще являться в истории под разными образами...».

Там где есть опека над людьми (неверие в их высшее происхождение), кажущаяся забота об их счастье и довольствие, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее предназначение и там жив дух «Великого Инквизитора».

Как эхо, вторит этим идеям Степан Трофимович Верховенский, подвергшийся со стороны тупого и самодовольного чиновника особых поручений при губернаторе унижительной и оскорбительной процедуре обыска, в результате которого были отображены книги, бумаги и письма. В волнении и сильном душевном расстройстве герой произносит несколько загадочных фраз – почти смешных и безусловно нелепых в контексте реальностей русского губернского города конца 1860-х начала 1870-х годов прошлого века. Переведем наполовину французский текст его речей на русский язык: «Нужно, ведите ли, быть готовым... каждую минуту... придут, возьмут, тьфу – исчез человек!».

«Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать?»;

«У нас возьмут, посадят в кибитку, и марш в Сибирь на весь век, или забудут в каземате...»;

«Ну пусть в Сибирь, в Архангельск, лишение прав, - погибать так погибать так погибать: Но я другого боюсь,... высекут» (107).

У Хроникера, собеседника и конфидента Степана Трофимовича, есть все основания считать «такое безумие» невероятным и невозможным преувеличением.

«Такое полнейшее, совершеннейшее незнание обыденной действительности – в отношении того, что вообще можно сделать с человеком проявленное малодушным Степаном Трофимовичем Верховенским, оказалось не безумием, а почти ясновидением. Может быть, в природе раздражения и обиды Степану Трофимовичу померещилось совсем другая обыденная действительность – как Будущее- в той его ипостаси, которая связана с судьбой отдельного человека, и целого народа, присутствует в «Бесах» скупыми, но устрашающими штрихами.

В программе смуты и беспорядка, крови, огня и разрушения, составленной Петром Верховенским, есть важные пункты касающиеся «строительства». В первую очередь, понимает он, следует подумать о человеке. «главное, изменить природу человека физически. Тут вполне надо, чтоб переменялась и стадность, уже непосредственно, хотя он давно забыл первоначальную форму» [3, 137]. «Развивая идею Шигалева о тотальном рабстве и органическом перерождении человеческого общества в равенство. Петр Верховенский вполне отчетливо и определенно обозначает тот уровень, «который нельзя будет переступить в будущем обществе». Развивая также свой собственный тезис «Мы всякого гения потушим в младенчестве», Петр Степанович в черновой программе расшифровывает свой замысел, указывая на те необходимые средства, которые и должны привести к необходимому среднему уровню. Будущем – не теперешним, но будущем - принципам, рассуждает он, все, что выше среднего уровня, будет чрезвычайно вредно: «середина выше всех целей».

Итак, главное – не допустить избытка желаний: «Чуть-чуть образования и развития – вот уже желания аристократические, во вред коммуне; чуть-чуть семейство или семейственные, собственнические, любовные, даже просто интимно-половые, то есть все то, что выводит за пределы среднего уровня и выделяет человека из толпы и стада, в этом и состоит кардинальный путь перерождения человечества. «Ум, оставленный на самого себя; «мир оставивший веру: общество, лишенное нравственных оснований; цивилизация, измеряющая благосостояние государства числом, мерой и весом продуктов, которые производятся людьми, а не уровнем их нравственности, образуют фундамент «строения каменного», задуманного Петром Верховенским».

Архитектурный проект будущего здания имеет центральную осевую линию- стержень всего замысла, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь - вот чего надо».

Собственно говоря, программа перерождения человека действует отчасти, уже в практике создания ячеек- пятерок. Человеческие качества в этом смысле - особая забота организатора: «Липутин мошенник, но я него одну точку знаю. Нет мошенника, у которого бы не было своей точки. Один Лемшин безо всякой точки, зато у него в руках».

Таким образом, новый человек, человек преображенный - без религиозный предрассудков, без моральных рефлексии, без нравственных оснований, без «аристократических» желаний и без избытка переживаний – человек идеально усредненный и избавленный от такой обузы, как талант и совесть, честь и достоинство такой человек должен, по замыслу стать материальной силой задуманного строительства. Строить же, по словам Петра Степановича Верховенского, «мы будем, мы, одни мы!». Этот закон сформулирует в «Бесах» Достоевского Жигалев: «Мое

заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заканчиваю безграничным деспотизмом» [4, 169].

Слова, эти помогают понять и своеобразную логику превращения в антиутопии своеобразный закон, согласно которому утопия с идеей свободы с фатальной неизбежностью оборачивается антиутопией, и конечным результатом становится абсолютная несвобода, прямо противоположная провозглашенным идеальным целям.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Раненое сердце. Записки из подполья. - Пол. собр. соч.: В 30-ти т. - Л., 1980. – Т. 4.
2. Достоевский Ф.М. Возвращение человека. Записки из подполья. - Там же. – Т. 4.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – Там же. - Т. 5.
4. Достоевский Ф.М. Бесы. - Там же. – Т. 12.
5. Айзерман Л. Русская классика накануне XXI века. //Литература в школе, 1997, - № 1. - с. 29.
6. Чаликова В. Утопия и свобода. – М., 1999. – С. 87.
7. Шохина В. На втором перекрестке утопий. //Звезда. – 1990, № 11. – С. 41.
8. Сараскина Л. «Бесы» - роман – предупреждение. – М., 1990. – С. 191.
9. Там же. – С. 93.
10. Мережковский Д. Достоевский. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжная палата, 1991. - С. 93.